
Рецензии, обзоры, информация

ПУШКИНСКАЯ ЭПОХА В РАКУРСЕ ИСТОРИИ ЧИТАТЕЛЯ

[Александр Федута. «Кто б ни был ты, о мой читатель...»: Проблема читателя в литературе пушкинской эпохи. Минск: Лимариус, 2015. 400 с.]

Исследование Александра Федуты «Кто б ни был ты, о мой читатель...», посвященное проблеме читателя в литературе пушкинской эпохи, является, в первую очередь, историческим проектом. Читатель – достаточно загадочная фигура, третий актант, наряду с автором и его текстом, в развитии литературы – в этом труде восстанавливается, «оживляется» и «озвучивается» на основе творчества целого ряда писателей и для того, чтобы показать его деятельную роль в самом творческом процессе возникновения текстов и в их последующей судьбе. Выбранные автором монографии имена и произведения принципиально неравноценны, но их неизбежно сближает время и пространство, формой которых (также неизбежно) является и читатель – в качестве близкого друга, собеседника и в качестве анонимной публики, враждебной «толпы». Перипетии отношений между читателями и разными авторами – основной предмет исследования А. Федуты, но ими монография не исчерпывается, так как одновременно она представляет собой теоретическое

вопросание о возможностях и путях исследования читателя в литературном процессе и превращает читателя в литературоведческую проблему, указанную и в подзаголовке исследования.

Теоретическое введение «Вослед Белецкому (Об одной из нерешенных задач историко-литературной науки)» раскрывает живой процесс размышлений автора книги над возможностями исследовать функционирование читателя в литературе и при этом сочетает разные традиции осмысления вопроса: изучает, сближает, сравнивает разные подходы, нужные для самоопределения в этой области. Введение читается чрезвычайно увлекательно именно благодаря отражению интеллектуального поиска автора, призывающего читателя вступить в мысленный диалог с ним. Уже на уровне названия для введения указана традиция, которая осмысливается А. Федутой как изначальная, основная и требующая продолжения или завершения. Автор показывает и доказывает, как статья А. И. Белецкого 1922 г. «Об одной из очередных задач историко-ли-

тературной науки (Изучение истории читателя)» формулировала проблематику читателя, далеко опережая будущую рецептивную эстетику и появившиеся на ее волне исследования читательского восприятия литературы в разных национальных традициях. По мнению Федуты, Белецкий определил все основные вопросы, связанные с проблематикой читателя и его ипостасей в/вне текста, указал на самую интересную область этой проблематики – «процесс перетекания характеристики публики в читателя-адресата» (с. 8) – и дал понять, что история читателя – это, прежде всего, «история сосуществования и взаимодействия читательских (реальных) групп между собой с авторским сообществом, проявление их влияния в лице читателя-адресата (читателей-адресатов), существующего (существующих или сосуществующих) в сознании автора; а также совпадения / несовпадения позиции воображаемого читателя-адресата с позицией публики и связанной с этим совпадением / несовпадением литературной судьбы автора» (с. 8). Тем не менее, А. Федута считает, что, поставив вопрос о читателе, Белецкий сам даже не попытался его решить (с. 9), хотя его статья стала, «образно выражаясь, канвой, по которой предстояло осуществить „коллективную вышивку“». Причем „вышивку“ осуществлялась на протяжении всего XX в., и не только советскими учеными» (с. 12).

Конечно, место статьи Белецкого в истории литературоведения может быть увидено по-разному и в соответствии с тем влиянием, которое она имела на исследование А. Федуты. Но в данном случае мне хотелось бы вступить

в дискуссию с автором монографии о читателе с оглядкой на теоретическую базу рецептивной эстетики, благодаря которой мы даже не ставим вопрос и не обосновываем ответ о научной целесообразности и научной ценности подобного рода исследований. Я не к тому, чтобы умолять провидческую работу русского ученого, появившуюся наряду с другими гениальными идеями русской филологии того времени. Размышления Белецкого по поводу читателя у Н. А. Некрасова, а также его замечания о посмертной репутации авторов (на примере Г. Р. Державина) как у массового читателя, так и у разных школ исследователей, на мой взгляд, доказывают серьезную теоретическую проработку им вопроса о читателе, может быть, с меньшим вниманием к методологическим решениям, которые в каждом отдельном случае бывают другими, чему свидетельство и данная монография А. Федуты. Мне хотелось бы поспорить с некоторой маргинализацией рецептивной школы эстетики, которая заметна в этой монографии, несмотря на то, что положения Х. Р. Яусса и В. Изера цитируются и вписываются в общий поток рассуждений о возможности исследовать читателя (особенно такая маргинализация бросается в глаза в общем перечне имен исследователей, «вышивавших по канве» Белецкого, с. 12). Дело в том, что именно рецептивная школа, которая явилась следствием идей своего времени, создала самый дискурс и мысленное пространство для его развития, и что книга А. Федуты неизбежно читается в ее теоретическом контексте и попадает в обращение ее идей. Да, автор продолжает оборвавшуюся

юся нить размышлений Белецкого, но может это делать лишь с условием причастности к этому дискурсу. Продуктивную причастность к дискурсу в книге А. Федуты можно проследить на его же внимательном чтении и комментировании работ по данной проблематике в английской литературе (с. 21–23) и на выстраивании собственного подхода с опорой на понятие «большого диалога» М. М. Бахтина, но и с неизменным вниманием к понятиям рецептивной теории, в первую очередь, к «горизонту читательских ожиданий». Как представляется, монография А. Федуты как раз написана с установкой на восстановление определенного куска исторической действительности, о чем писал цитируемый автором Яусс: «Значение истории литературы, основанной на рецептивно-эстетическом подходе, будет зависеть от того, насколько активно она сможет участвовать в постоянном восстановлении целостной картины прошлого посредством эстетического опыта» (с. 12). Если подобную цель сравнить с размышлениями Белецкого по тому же поводу («Изучая поэтов, мы редко учитываем этих воображаемых собеседников; а между тем именно они помогли бы нам часто в наших условиях понять и приемы творчества, и всю поэтику поэта», с. 8), можно заметить, насколько расширяется к концу XX столетия кругозор литературоведа (в данном случае Яусса), как он ощущает свое значение в целом процессе разрушения больших исторических нарративов и осмысляет значение вклада литературы в историю не только как артефакта, но и как документа эпохи.

Я хочу подчеркнуть, что мои сомнения насчет расставленных А. Федутой

акцентов в теоретическом осмыслении проблематики ни коим образом не переносятся на осуществленное им исследование читателя в русской литературе пушкинской эпохи, которое как раз и является серьезным научным предприятием написать «другую» историю русской литературы – литературы, которая создавалась в условиях «большого диалога» писателей с читателем, а через него – со своим временем.

Вся обширная, пестрая, живо и остроумно написанная основная часть исследования А. Федуты состоит из трех больших частей, представляющих как разных авторов с их индивидуальными подходами, так и определенные периоды в развитии отдельных областей литературного поля – авторов, журналов, издателей, цензоров. Тем не менее, временной аспект (история) не преобладает над пространственным. Несомненно, можно говорить о развитии журнального дела: А. Федутой выявлена поочередная смена позиций, достигшая предела в деятельности В. Г. Белинского. Внутренней динамикой отношений с читателем отличается Пушкин (мог бы отличиться и Гоголь, если бы о нем шла речь). Но в целом, книга Федуты – своего рода каталог, а еще вернее – карта авторских позиций в отношении читателя и конфигураций этих отношений в пушкинскую эпоху. К подобному осмыслению исследования подводят и выводы автора, который в них берется описать исследованные им случаи авторской установки на читателя от Карамзина до Белинского как систему, а не как развитие явления во времени.

Принципиально важной вехой в пушкинскую эпоху, как убеждает иссле-

дование А. Федута, приходится считать 1830 г. – год приобретения мощи литературными журналами. «Журнальный период» изучен автором тщательным образом и раскрывает много любопытных деталей литературной жизни, дополняет наше представление о журналистике первой половины XIX в. важными акцентами. А. Федута признает бесспорное значение журналистской деятельности Н. А. Полевого (здесь нет места обычным оговоркам исследователей, не способных забыть «нападки» Полевого на Пушкина, которых, может быть, даже и не было), выявляет энциклопедизм и установку на просвещение «Московского телеграфа» и его чрезвычайно интересное отношение к публике, а также вынужденное приспособление Полевого к публике в последний период жизни (с. 196–218). Согласно концепции автора исследования, именно благодаря Полевому произошла окончательная профессионализация литературного труда в России, и поэтому неслучайно, что именно Полевому наследовал Белинский (с. 218).

Исследование деятельности таких журналистов как Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский также чревато интереснейшими открытиями, парадоксальными фактами и оспариванием бытующих литературоведческих стереотипов. В первую очередь, Федута нас отучает видеть в их журнальной деятельности нечто близкое или даже похожее. Если они близки, то только тем, что Пушкин и люди его круга относились к ним одинаково плохо. Версии их личностей и судеб, с точки зрения стратегий в отношении читателя, представляют два разных и даже противоположных варианта журнальной деятельности. Булгарин

принимал на себя высокую роль просветителя, при этом идеалом ему служили А. С. Грибоедов и друзья декабристы, а финансовую выгоду от своих предприятий (связанную и с верноподданнической позицией в отношении властей) он считал вознаграждением за великий труд (с. 219–233). Сенковский же, будучи высоко образованным человеком, ориенталистом, полиглотом, цинично смотрел на свою деятельность как на способ зарабатывать деньги, навлекая на себя суд потомков (с. 257–290). Федута оспаривает бытующее мнение о Сенковском как незначительном факте литературы. Наоборот, оказывается, что это – первый автор, который ориентировался на массовое литературное сознание и массовую культуру и, коверкая рукописи, низводил тексты других авторов до этого уровня, с тем, чтобы круг читателей расширялся и множился. Позицию Сенковского-критика Федута определяет как смену масок, игру с читателем, которая никуда не ведет, но только забавляет. Повествование о судьбе Сенковского, завершенное афористическим высказыванием И. С. Тургенева, может служить примером анализа массовой литературы в целом. Завершает исследование «журнального периода» разбор случая В. Г. Белинского, появление которого на литературной арене ознаменовало изменения как в читательской аудитории, так и в журнальной среде. В концепции Белинского публика превращается в судью над литературным произведением, причем этот суд отдается в руки молодым, недовольным – не просто литературой, но и жизнью. При Белинском поднялся статус литературы: из явления эстетики она превратилась в явление

общественное, призванное воздействовать и управлять. Это было подготовлено предшествующими журналистами, однако только после Белинского, по словам Г. Г. Шпета, «общество было осознано как высшая действительность, а действительность или требует полного мира с собою, или сокрушает того, кто ссорится с нею» (с. 304).

Соотношение исследования А. Федуты с картографическим образом позволяет отметить такую черту его монографии, как работу с белыми пятнами литературного пространства – введение новых имен и характеристик. Пушкин и близкие ему литераторы (Карамзин, Вяземский, Боратынский, Жуковский) находятся в центре этого пространства. На карте литературы даже при переводе взгляда на менее известного читателя в их творчестве они представляют яркие, детально разработанные и часто предсказуемые области. А вот такие поэты и писатели, как Павел Катенин, Александр Орлов, Дмитрий Бегичев, публицисты 1812 г., которые в академических историях литературы представлены чаще всего в перечислениях или вовсе отсутствуют, здесь становятся полноценными субъектами истории – со своими личными качествами, мнениями и заявлениями, они буквально оживляют панорамное полотно эпохи, воссоздают ее дух, озвучивают ее шумом людской толпы. Исторически выразительными явлениями на этом полотне оказываются и характерные случаи авторов-билингвов (Гр. Ф. Квитка-Основьяненко, Ю. Э. Пшецлавский и др.), и писатели-мемуаристы (Ф. Ф. Вигель, А. С. Шишков, Ф. В. Булгарин), и нечитатели, которым отведена отдельная гла-

ва в конце исследования (с. 362–368). Чтобы продемонстрировать внутреннее остроумие выстраиваемых А. Федутой сближений и аналогий, обогащающих литературную жизнь новыми красками, приведу пример с неожиданно комическими фигурами «литературных мертвецов» – П. А. Катениным и П. А. Вяземским, девиз которого автором исследования определен как «Вперед, в прошлое!» (с. 129). Отношение Катенина с читателем Федута называет «борьбой», которая велась с парадоксальной целью – сужать собственную аудиторию. О единственном прижизненном сборнике катенинских стихов автор монографии заключает, что он «произвел впечатление голоса с того света» (с. 134). Так на страницах монографии встретились два «живых мертвеца», и звучащая в таких местах ироническая нотка заставляет пожалеть, что комический гений пушкинской эпохи – Гоголь – на ней отсутствует. Причины этого отсутствия понятны и оговорены: читатель в его творчестве исследован В. Кривоносом, я бы добавила сюда и Дональда Фангера¹. И тем не менее, в итоговом описании отношений авторов с читателями, которое дается А. Федутой в выводах, случай Гоголя мог найти место и подтвердил бы не одну закономерность общей картины.

В рецензии нет возможности оговорить каждый описанный в монографии уникальный случай отношений автора с читателем, зафиксированный в его текстах и пронизательно проинтерпретированный А. Федутой. Нет возмож-

¹ Donald Fanger, “Gogol and His Reader”, *Literature and Society in Imperial Russia 1800–1914*, Stanford, California: Stanford University Press, 1978, pp. 61–95.

ности и перечислить все сделанные им открытия – для этого понадобился бы «сборный» рецензент. Неизбежно обобщая достижения автора монографии «Кто б ни был ты, о мой читатель...», должно сказать, что он не только представил картину литературной эпохи в особом ракурсе, в котором она дото-

ле системно не изучалась, но вместе с этим – может быть, даже без специального умысла – представил нам карту возможных отношений между писателем и читателем, которую как аналитический инструмент можно будет применить и к другим историческим эпохам, и к современному дню.

Инга Видугирите